

### Бібліяграфічныя спасылкі

1. Адамович, А. Необходимость Толстого / А. Адамович // БДАМЛМ. – Ф. 116. – Воп. 2. – Спр. 72. – Л. 1–4.
2. Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей: у 4 кн. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – Кн. 1. – 476 с.
3. Рагойша, В. Ракаўскі карэспандэнт Льва Талстога / В. Рагойша // Леў Талстой і Беларусь: артыкулы, эсэ, выказванні. – Мінск: Маст. літ., 1981. – С. 161–168.
4. Русаков, В. Живая биография гр. Л. Н. Толстого / В. Русаков // Изв. по лит., наукам и библиогр. книжных магазинов товарищества М. О. Вольф. – 1903. – № 10–11. – С. 101–104.
5. Телеграмма Л. Н. Толстому от Правления Минского литературно-артистического общества (1908) // Государственный музей Л. Н. Толстого. – Рукопис. фонд. – Л. 1–2.
6. Телеграмма С. А. Толстой от сотрудников редакции газеты “Наша нива” (1910) // БДАМЛМ. – Ф. 3. – Воп. 1. – Спр. 75. – Л. 46.
7. Франк, С. Лев Толстой и русская интеллигенция / С. Франк // Критич. обзор. – 1908. – Вып. VI. – С. 75–82.
8. 1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова. – Спб.: Родник, 2014. – 928 с.

УДК 821.161.3-311.6:821.111

### МИР ИСТОРИЧЕСКИХ ОТРАЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ БЕЛОРУССКИХ И БРИТАНСКИХ АВТОРОВ

**О. А. Лиденкова**

*Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины  
Гомель, Республика Беларусь  
hollin7@gmail.com*

В статье в компаративном аспекте рассматриваются способы художественной репрезентации проблемы идентичности в произведениях белорусских и британских писателей конца XX – начала XXI века. Прослеживается, как данная тема развивается через образы зеркал, отражений и двойников.

*Ключевые слова:* современная литература; историческая проза; идентичность; мотив зеркала; двойник.

### MIRRORS AND REFLECTIONS IN CONTEMPORARY HISTORICAL FICTION BY BELARUSIAN AND BRITISH AUTHORS

**V. A. Lidziankova**

*Francisk Scorina Gomel State University  
Gomel, Republic of Belarus  
hollin7@gmail.com*

The article is devoted to the comparative study of the ways of artistic representation of the problem of identity in the works of Belarusian and British writers of the late XX – early XXI century. It traces how this theme develops through the images of mirrors, reflections and Gothic doppelgangers.

*Key words:* contemporary literature; historical prose; identity; mirror motive; literary double.

Вопрос идентичности является одним из центральных для произведений современной прозы, посвященных вопросам истории, в той степени, в которой она обуславливает или помогает объяснить актуальные проблемы современности.

Тема самоопределения, потери или обретения своего “я” часто развивается с помощью многочисленных образов отражений-двойников, которые появляются в бесконечно повторяющихся друг друга параллельных сюжетах прошлого/настоящего. Как правило, такие произведения сосредотачиваются на наиболее травматичных моментах национальной истории, которые ощущаются как ошибки, которые народ обречен повторять вновь и вновь (тема неудачных восстаний и борьбы за независимость у белорусских авторов, противостояние истории истинной и идеологически-правильной у британских авторов). Различные варианты себя, своего прошлого и будущего герои видят в старинных портретах, схожих и говорящих именах. Л. Рублевская неоднократно использует прием книги в книге, где сюжеты копируют друг друга как череда бесконечных отражений.

Многие критики отметили двойственность образа русалок из романа З. Каминской “Русалкі клічуць” [3]. Автор отметила, что “Такая дваістасць ёсць у кожным. Гэты шлях ад ахвяры да моцнага чалавека, які можа супрацьстаяць завядзёнцы ці думкам большасці – Ліза яго прайшла, але Алена Кіш не паспела прайсці. Таму гэта кніга пра пошукі сябе. Пра шлях, які пачынаецца там, дзе ты не ведаеш, хто ты і што рабіць” [1].

Двойственность и моральная амбивалентность неизменно отличает героев Л. Дайнеко: “Як бы з дзвюх палавінак злеплены гэты князь, і цяжка ўгадаць, якой палавінаю свайго сэрца ён да Бога павернуты”; “Двух зусім розных людзей, двух Альбертаў фон Буксвагенаў, толькі што бачыў ён перад сабой. Адзін – ціхі, з ласкавай усмешкай, з цеплынёй у галубіным позірку. Глядзіш – і здаецца, залаты німб іскрыцца над танзурай. Другі – страсны ў нянавісці, суровы, як пякельнае полымя, з пухірамі пены ў куточках вуснаў. «Які ж ён, сапраўдны епіскап Альберт?» – падумалася Генрыху” [2, с. 74].

В романе Дж. Крейса “Harvest” обретение героем недостающей смелости и решимости представлено как видение воссоединения с собственным двойником, потерянной, недостающей части себя: “I had a twin, a standing twin, who came to rescue me. This other one who had my face, who looked like me and smelled like me and sounded like me, had got me by my shoulders and I was being pulled <...> My bones solidified at last” [7].

В “Thomas Cromwell trilogy” Х. Ментел падению Кромвеля предшествует символически изображенная потеря себя. Герой утрачивает четкое осознание границ сначала собственной власти, а затем и границ собственной личности, когда и в его воображении, и в отражении в зеркале его собственная фигура сливается и переплетается с фигурой монарха, абсолютного выражения власти: “he allows his body to confuse with that of Henry, so that their arms, lying contiguous, lose their form and become cloudy like thaw water” [10, с. 264]. Но личность не может существовать без четких границ “я” – “не я”, утратив четкое видение себя, фигура Кромвеля словно переходит в разряд теней, чего-то неполноценного, а значит, нежизнеспособного, и за этим прямо следует его физическая гибель (название последней части трилогии “The Mirror and the light” не раз найдет новую грань отражения в сюжете). Иронично, что судьба Кромвеля зеркально отражает судьбу его жертв, прежде всего Т. Мора и А. Болейн.

Тема зеркал появляется в исторической прозе в различных контекстах, но неизменно связана с концепцией цельности личности и прошлого как отдельной параллельной реальности, в которой отражается не только современность, но и сама возможность построения концепций будущего.

Одновременно зеркало – один из наиболее древних фольклорных и литературных символов – используется не только для развития темы личностного самоопределения, но выражает только идею множественных интерпретаций исторического события, утверждая, что нам доступно лишь ограниченное видение (отражение) фактов, где степень искажения зависит лишь от угла зрения. “All imaginations are mirrors” [8, с. 167], – словно постулируют авторы.

Национальная история в буквальном смысле оказывается зазеркальем в трилогии “Адваротны бок люстра” К. Шталенковой, где каждый сможет выбрать понравившееся отражение, но также легко и потерять себя, если предпочтет иллюзию реальности (что демонстрирует судьба Альбрехта и его единомышленников). С помощью зеркальных отражений автор выстраивает систему взаимоотношений отцов и детей, способ узнавания друг друга несколькими поколениями, разделенными веками, а также себя самого. Уже в самом начале автор создает внутренний конфликт, когда образ смешного подростка в зеркале разительно не совпадает с внутренним ощущением себя героиней.

Полки, полные стеклянных сосудов, многочисленные витрины, зеркала-порталы, стеклянные глаза как связь с тайнами прошлого, особое знание и видение действительности – привычные спутники героев белорусских исторических детективов из сборника “Карона Вітаўта Вялікага”: “Магда зняла са сцяны вялікае люстэрка <...> Пусціла тонкі струменьчык дыму ў свой адбітак. Дым <...> здавалася, прайшоў люстэрка наскрозь” [4, с. 19].

Образ зеркал важен в исторической трилогии Ментел, заключительный роман которой назван “The Mirror and the Light”. Во многом трагическая ошибка Кромвеля не только в традиционном для английского героя *hubris*, когда он принял себя (скромное отражение величия монарха) за источник света (первообраз), но и в том, что главные действующие лица допустили непростительную для политика слабость – страх взглянуть в лицо своим настоящим мотивам и тем самым разобраться в истинном положении вещей: «‘We must all look in the mirror sometimes, Mary,’ he said. ‘So we can see ourselves directly and say, like Apollo, “You must change your life”» [8, с. 432].

Страх зеркал (Кромвель) или, наоборот, одержимость своим искаженно-прекрасным отражением (Генрих, Анна) преследуют героев трилогии: «‘But that wasn’t the worst. You said the mirrors were the worst. Not to be able to look at yourself» [9, с. 288].

Только искаженное отражение видит в окружающих предметах Лиза, героиня романа З. Каминской, и даже сама реальность искривлена образом “выцвілага возера, паверхня якога заўжды рабаціла, як паламаны тэлевізар” [3, с. 17]. Ее идея зазеркалья (отраженного подводного мира) как вместилища обиженных душ, свидетелей исторических трагедий, чьи истории забыты, утоплены и отвергнуты официальным дискурсом, созвучны образам из трилогии Х. Ментел, где зеркало – вместилище неупокоенных призраков исторических трагедий: “Dead queens blink at him, from behind their broken mirrors” [10, с. 576]. Они желают только одного: чтобы их помнили и тем самым избежали повторения прошлых ошибок, так как мы есть отражение нашего будущего в прошлом наших предков: “Mirrored, the peacock eyes speak to him. Do not forget us. As the year turns, we are here: a whisper, a touch, a feather’s breath from you” [9, с. 119]. Внутренне перерождение Лизы – героини романа З. Каминской связано со спасением ее из глубин озера, возвращением из зазеркалья, когда из жертвы (потенциальной русалки) она превращается в героиню своей собственной истории. Подобный метафорический образ выныривания/перерождения – *surfacing* – неоднократно использовала в своих текстах М. Атвуд.

Ряской и тиной непременно зарастают водоемы в произведениях А. Аркуша, трилогии “Пакутны век” В. Яковенко: “Возера?! Ды ў нас там не адно возера зарастае. У такой дзівоснай краіне зацягваецца і лам і балотнаю тванню жыццё!” [5, с. 762]. Поросший тиной пруд как символ национального упадка, разрушения общины и семьи – повторяющийся образ в “Big House novel”, поджанре ирландской исторической литературы.

В “Harvest” Дж. Крейса духовную близорукость, нежелание заглянуть внутрь себя, символизирует заросший пруд, и уже год, как герой не видел собственного лица: “The duckweed in the ponds will not allow me to” [7, с. 47]. Деревенское общество в романе – лучший пример практически евангельской слепоты к себе, но внимания к недостаткам соседей. В этой деревне нет зеркал, а редкие счастливицы прячут крошечные зеркальца, так как отражение им не льстит: “So, unlike the town from where I came, where everyone who stepped out in the street would first have turned themselves this way and that in front of mirrors and could not have stepped twenty paces more before reflecting on themselves in window glass, we in this village walk around in blinded ignorance” [7, с. 48]. Эти люди, которые оценивают себя только глазами других и безоговорочно следуют за большинством, неслучайно овцы – сквозная метафора произведения. Любая отражающая поверхность оказывается недоступной: стекла в имении разбиты, серебряная ложка почернела, бок медного чайника покрыт вмятинами, и ближайшее зеркало – в двух днях пути. Самая сюрреалистическая деталь – похороны зеркала хозяйки поместья, которое закопали вместе с ней: “In fact, I cannot think there is a looking glass in the parish, though no doubt there are some wives who have a secret sliver with which to horrify themselves and which they wisely do not seek to share” [7, с. 75].

Поразительное количество героев исторической прозы элементарно боится взглянуть на себя в зеркало, как персонаж П. Акройда “The House of Doctor Dee”, который подозревает, что внутри его лишь пустота, периодически порождающая случайные слова (здесь можно увидеть и отсылку к постмодернистской философии, с которой ведет полемику автор). Взглянуть на себя означает заглянуть в себя: “Well, you would be right. I can’t bear to look at myself. Or look into myself. I really don’t believe that there’s anything there, just a space out of which a few words emerge from time to time” [6, с. 193].

Линия кривого зеркала, добровольной слепоты доведена до абсурда в фантасмагорической исторической сатире на современное общество “Viper wine” Э. Эйр, где зеркала – символ иллюзорной действительности и симулякров, которые порождают современные медиа: “He wondered if it was a distorting mirror, a scrying glass, to show her such a different image than the one he saw” [8, с. 410]. Ту же идею вечного стремления человека видеть действительность не такой, как она есть, а такой, как нам бы хотелось, выражают дворцовые зеркала из романа “Pure” Э. Миллера, в которых, однако, вместо золотого великолепия отражаются пыль и искаженный, мертвый мир, словно погребенный в толще воды: “The palace is full of mirrors. Living here, it must be impossible not to meet yourself a hundred times a day, every corridor a source of vanity and doubt. The mirrors ahead of him, their surfaces hazed with dust (some idle finger has sketched a man’s bulbous cock and next to it a flower that may be a rose), give out a greenish light as if the whole building were sunk, drowned” [12, с. 2].

Таким образом, в произведениях современной исторической прозы зеркало выступает универсальным образом, отражающим проблему личностного и национального самоопределения. Демонстрируется, что решение любого исторического кризиса должно начинаться с познания себя и своего прошлого каждым членом сообщества, и только прошлое дает объяснение и ключ к своей идентичности, и для этого авторы обращаются к мотивам зеркал и двойников (отражений).

### Библиографические ссылки

1. Гурневич, Д. Менская рэкліамшчыца напісала містычна-дэтэктыўную аповесць пра Алену Кіш / Д. Гурневич // Радыё Свабода [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.svaboda.org/a/28998179.html>. – Дата доступу: 04.09.2021.
2. Дайнека, Л. Меч князя Вячкі: раман / Л. Дайнека. – Мінск: Юнацтва, 2000. – 332 с.
3. Камінская, З. Русалкі клічуць: аповесць / З. Камінская. – Мінск: Кнігазбор, 2017. – 107 с.
4. Карона Вітаўта Вялікага: раманы, аповесці, апавяданні / уклад.: У. Сіўчыкаў, А. Сіўчыкава. – Мінск: Маст. літ., 2004. – 509 с.
5. Якавенка, В. Гульня на згубу / В. Якавенка // Якавенка, В. Пакутны век: трылогія. – Мінск: Беларус. сацыяльна-экалагічны саюз “Чарнобыль”, 2006. – 764 с.
6. Ackroyd, P. The House of Doctor Dee / P. Ackroyd. – Penguin Books, 1994. – 277 p.
7. Crace, J. Harvest / J. Crace. – Nan A. Talese, 2013. – 208 p.
8. Eyre, H. Viper wine / H. Eyre. – London: Vintage Books, 2015. – 432 p.
9. Mantel, H. Bring Up the Bodies / H. Mantel. – Henry Holt and Company, 2012. – 432 p.
10. Mantel, H. The mirror & the light / H. Mantel. – New York: Henry Holt, 2020. – 784 p.
11. Mantel, H. Wolf Hall: a Novel / H. Mantel. – Henry Holt and Co, 2010. – 532 p.
12. Miller, A. Pure / A. Miller. – Sceptre, 2012. – 346 p.